

С. АУСЛЕНДЕР

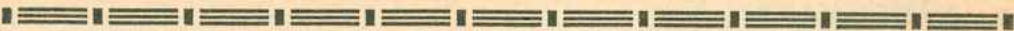
МАЛЕНЬКИЙ

ИЗДАНИЕ Г.Ф.МИРИМАНОВА

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

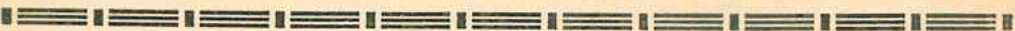

С. АУСЛЕНДЕР

МАЛЕНЬКИЙ ХО

РАССКАЗ

Рисунки А. Ф. АНДРОНОВА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Г. Ф. МИРИМАНОВА
МОСКВА—1926 г.

МОСКВА,
Пречистенский бульвар, д. № 7.
Телефон № 3-33-04.

Маленький Хо.

ЗАСЫПАЯ, маленький Хо видел всегда одно и то же рисовое поле, далекую родную хижину, видел мать, пожелтевшую от забот и работы; видел отца усталого, но ласково улыбающегося, братьев и сестер. Иногда во сне ему казалось, что мать нагибается над ним и едва-едва касается мизинцем его щеки, ласкает нежно.

И тогда Хо просыпался в слезах.

Видел он и другое: падает отец на колени, целует землю, клянется, что нет денег уплатить долга. А приехавший из города купец шелестит тяжелым шелком своего халата и не слушает, даже не смотрит. Потом говорит купец: „Продай сына, вот и заплатишь долг“. Хо не понимает страшных слов купца, но, прислушиваясь, как всю ночь жалобно охает мать, он сжимается в маленький комочек. Утром отец сажает Хо к себе, на спину, и они долго-долго идут в город. Радует Хо на шумную пестроту городских улиц, все поражает его. В лавке за высоким столом пишет купец длинную бумагу, потом быстро читает ее отцу. Отец только уныло кивает головой. Хо таращит глаза на золотых драконов, вышитых по синему шелку, он не знает, что эта бумага — контракт, по которому отец навсегда отдает маленького Хо, своего сына, во власть купца.

Даже сейчас, когда видит Хо этот дурной сон, он просыпается в ярости, царапает ногтями циновку, сжимает зубы, стискивает бессильно кулаки. Того, что было дальше, не хочет вспоминать больше Хо. Беспощаден был купец и вымуштровал ловкого понятливого боя*) из маленького Хо. От купца он попал к теперешнему своему господину, важному английскому капитану.

Длиннозубый, с синими от бритья щеками, капитан умеет так взглянуть, что коленки трясутся у маленького Хо. Впрочем, капитана боится не только Хо. У капитана много солдат, и все они вытягиваются и стоят, как каменные, под тяжелым взглядом капитана. По одному знаку капитана пойдут они убивать и умирать.

Часто во дворе собирается целая толпа китайцев. Они просят, они жалуются, они падают на колени. А капитан, щелкнув хлыстом по желтым своим сапогам, пальцем дает знак солдатам оттеснить всю толпу за каменные ворота.

Даже важные мандарины, в вышитых золотом шелковых халатах, приказывают остановить свои носилки у ворот и идут по двору, нагибая шеи. Потом, разговаривая с капитаном, они низко кланяются, угодливо улыбаются, заглядывают в суровые глаза капитана. Но тот даже и с мандаринами обращается не ласково. Он им только приказывает.

С самого утра на ногах маленький Хо. Он готовит для своего господина теплую душистую воду, он чистит его трубки, натирает лаком его сапоги, он подает ему чашку чая с сушеной розой на дне, он готов каждую минуту броситься исполнить новое приказание капитана.

Сегодня вечером гости у капитана. Это все важные английские и французские капитаны. Много слуг подают гостям бесконечные кушанья. Тут и суп из ласточкиных гнезд, и окорок в меду, и куриные пятки, пирожки на цветах корицы, и много других лакомств. Гости кажутся ненасытными, они едят, они без конца пьют, они уничтожают целые горы фруктов, сладких пирожков и сластей. Хо невольно вспомнил сказку, которую ему рассказывала мать о ненасытных великанах, пожиравших деревни, города, провинции, целые страны.

„Они с’едят весь Китай“, думает маленький Хо, все время суетясь и помогая слугам.

*) Слугу.

Падает отец на колени.

Гости веселы. Они говорят громко и хвастливо. Даже хозяин, суровый капитан, улыбается, показывая свои длинные, поблескивающие золотом, зубы.

Может-быть, это, правда, не люди, а чудовищные великаны. Они хвастаются один перед другим богатствами, которые им удалось захватить в этой огромной, не умеющей себя защищать, стране.

Они, смеясь, рассказывают разные истории о том, как им удалось обмануть и запугать таких, по их словам, трусливых, послушных и глупых китайцев.

Хо научился уже понимать их слова, но его лицо не дрогнет, его взгляд ищет глаз господина, чтобы успеть догадаться и исполнить его приказание.

Поздно расходятся гости. Хо и слуги, засветив бумажные цветные фонарики, провожают их по саду к реке, где их ждут красивые, покрытые шелковыми циновками длинные лодки, с высоко загнутыми, причудливой формы, носами.

Хо помогает своему господину раздеваться, спускает полог над его широкой, мягкой кроватью и с низкими поклонами пятится к двери.

Наконец, все прибрано, слуги расходятся по своим комнатам. Хо в своей каморке, находящейся рядом со спальней капитана.

Едва дотаскивается Хо до своей жесткой циновки. От усталости он не может даже заснуть. Голова кружится. Он вспоминает лица капитанов, их громкие хвастливые слова, их злой, надменный смех.

Тень проскользнула в узком открытом, выходящем в сад, окне, хочет Хо приподнять голову, шевельнуться, но в ту же минуту крепкие руки сжимают его, оплетают все тело, не то обнимают, не то душат.

— Молчи, молчи, маленький Хо, — кто-то жаркими губами шепчет в самое ухо, — молчи. Мне было бы лучше убить тебя, но ты такой маленький и печальный, что мне стало жаль тебя. Молчи и не шевелись.

Острый подбородок колот щеки и шею Хо. Он всмотрелся в лицо и узнал бедного носильщика Хонга, с которым часто ему приходилось встречаться на базаре.

— Хонг, — тихо прошептал Хо, — что тебе нужно?

— Ты узнал меня. Да, я бедный Хонг. Я мститель за себя и за всех. Я пришел убить твоего капитана.

— Молчи, молчи, маленький Хо...

Хо не вскрикнул и не дрогнул. Слова, которые шептал ему на ухо Хонг, жгли мозг.

— Я убью твоего капитана. Тебя я свяжу, и никто не заподозрит тебя. Завтра я буду далеко, и ты можешь назвать судье мое имя. Я не хочу принести тебе несчастья. А сейчас лежи смирно. Слуги спят крепко, а часовые солдаты далеко у ворот. Только ты можешь, если крикнешь, помешать мне. Но я не хочу убивать тебя.

Хо молчал, но Хонг и не дожидаясь ответа, веревкой он опутал ноги и руки Хо, рот его прикрыл тряпкой. Но стоило Хо шевельнуться, и слабо затянутые веревки отпустили бы руки.

Хо лежал неподвижно.

Хонг исчез. Прошли долгие томительные минуты безмолвия.

Над самой головой Хо вдруг тревожно прозвенел серебряный колокольчик. Шнурок от этого колокольчика был привязан к постели капитана.

Еще и еще жалобно и тревожно звякнул колокольчик. Хо широко открытыми глазами смотрел, как билась над ним эта маленькая серебряная птичка.

Еще раз сильно качнулся колокольчик и вдруг замолк.

Хо понял, что все там, в спальне капитана, кончено.

Всю ночь пролежал Хо не шевелясь, следя глазами как медленно светлела узкая полоска неба, видная сквозь окно его каморки.

Было уже совсем светло и жаркий луч солнца уже пробрался в окно, раскаляя невыносимым блеском серебряный замолкший колокольчик, когда кто-то из слуг заглянул в каморку и, увидев связанного Хо, поспешно скрылся. Скоро весь дом наполнился гулом тревожных шагов и испуганных голосов. Слуги и солдаты вошли в каморку, развязали Хо, тормошили его, спрашивали. Но Хо молчал, будто потеряв рассудок.

Всей толпой, подталкивая впереди Хо, пошли, крадучись, к спальне капитана.

Тяжелая ореховая дверь была раскрыта настежь. В ужасе замерли слуги и солдаты, вступив на порог комнаты.

На толстом, затканном золотом зеленом ковре, раскинув руки, приоткрыв рот и оскалив длинные поблескивающие зубы лежал капитан.

Кровь густыми ручьями разбежалась по ковру и прибавила новый причудливый узор к цветам и зверям сложного рисунка.

Скорѡ вѣсть об убийствѣ капитана пронеслась по городу.

Взволнованные вчерашние гости, важные англійские и французские капитаны наполнили дом, горячо обсуждая страшное происшествіе.

Важные мандарины, тоже взволнованные и перепуганные, толпились около дверей спальни, где тело капитана уже было осмотрено врачами и судьями и положено на кровать.

Около ворот дома капитана густела толпа, шопотом передавались разные слухи, но печали не было заметно на любопытных и даже не улыбающихся лицах.

Мандарин-судья приказал арестовать всех слуг, в том числѣ и маленького Хо, и отвести их всех для допроса в тюрьму.

Когда окруженный полицейскими и солдатами Хо вместе с другими слугами проходил по улицам, толпа, глухо ворча, раступилась и глядела сочувственно в лицо арестованных, — думала, что ведут убійц капитана.

— Не напирать, разойдись, — закричал старшій англійскій полицейскій, и солдаты взмахнули прикладами.

Из толпы раздались озлобленные крики:

— Всех бы вас, собак, за вашим капитаном отправить.

— Давно пора. Терпенья уже нет.

— Погодите, погодите, придет время...

Солдаты прикладами и штыками стали бить толпу. Раздались крики, стоны. Толпа рассеялась, но на следующих улицах собирались новые толпы, провожавшіе арестованных.

На повороте узкой улицы вздрогнул Хо, совсем близко он увидел блѣдное и взволнованное лицо Хонга. Очевидно, ему не удалось бежать.

Он пристально глядел в лицо Хо, будто спрашивая его о чем-то, и потом незаметно поднял палец и провел по губам. Он просил о молчаніи.

Хо только опустил глаза, как бы обещая молчаніе.

Мандарин-судья, сидя в мягком креслѣ, допрашивал маленького Хо. Голос мандарина звучал ласково, певуче, он уговаривал ласково.

— Ты не можешь не знать убійцы, маленький Хо. Назови хоть малейшіе его приметы, и он не уйдет из наших рук. Ведь капитаны будут очень сердиться, если мы

не накажем убийцу. Они потребуют с нас тяжелого выкупа, пришлют много, много солдат. Как мы можем противиться им?

Но Хо молчал, не опускал глаз под пристальным, будто сверлящим взглядом мандарина.

— Мы должны заставить тебя говорить и мы заставим, — угрожающе сказал мандарин и, улыбнувшись, дал знак слугам.

На Хо накинули легкую клетку, составленную из бамбуковых палок и веревок. Блестящая клетка казалась простой игрушкой.

Все палки были утыканы острыми гвоздиками, и когда, по знаку судьи, палач стал медленно вертеть ручку, палки сдвигались и сотни гвоздиков впивались в тело.

Каждое судорожное движение еще больше усиливало боль, а палки сдвигались все теснее, охватывали тело, сдавливали его, ломали суставы.

Кровь и слезы текли по лицу маленького Хо.

Два раза мандарин делал знак приостановить пытку и снова начинать. Откинувшись на мягкую спинку кресла, он, казалось, с любопытством наблюдал страдания маленького Хо.

— Ты заговоришь, маленький Хо, я знаю, что ты заговоришь, — тихим ласковым голосом повторял мандарин.

Палач круче повернул ручку и палки впились в тело, коверкая, ломая его.

Тяжким звериным криком закричал маленький Хо, — выдержать больше не было сил.

— Ага, я знал, что ты заговоришь, — радостно воскликнул мандарин и дал знак палачу остановить пытку.

Приподнявшись, мандарин совсем близко нагнулся к Хо, боясь пропустить его слова.

Теряя разум от боли, чувствуя, что больше он не выдержит, Хо собрал последние силы, открыл рот, вздохнул и крепко сжал зубы.

С перекошенным от ярости и боли лицом, Хо открыл рот и выплюнул кровавым комком прямо в лицо мандарина.

Чтобы не стать предателем, маленький Хо откусил свой язык.

Мандарин-судья допрашивал маленького Хо.

Отшатнувшись, мандарин брезгливо стер с себя кровь и дал знак палачу покончить с маленьким Хо, который теперь не мог быть больше полезным свидетелем.

За толстыми стенами тюрьмы мандарину не слышно было, как уже собирались на улицах в колонны тысячи китайских рабочих и все громче неслись грозные возгласы:

— Долой белых угнетателей! Долой их приспешников, палачей!

Цена 22 коп.
К

